

Ф. Ш. СИБАГАТОВ

**Влияние
коранической
традиции
на башкирскую
литературу**

Влияние коранической традиции на сюжетно-образные и мотивные ряды башкирской литературы требует серьезного литературоведческого осмысления. Следует учитывать, что до 20-х годов XX столетия это влияние было особенно ярким и плодотворным: башкирская национальная литература развивалась в тесном взаимодействии с коранической традицией. Элементы подобного взаимодействия сохраняются и в наши дни.

Прежде чем перейти к анализу влияния коранической традиции и сюжетно-композиционных особенностей мусульманской литературы на национальную башкирскую литературу, следует дать краткое литературоведческое определение понятий «сюжетно-образный», «сюжетно-композиционный» и «мотивный» ряд. Термин «мотив» употребляется в исторической поэтике и срав-

нительном литературоведении для сравнительного изучения «странствующих» («бродячих») сюже-

тов. В сравнительном литературоведении под мотивом понимают некое тематическое единство, встречающееся в различных произведениях. Мотивы переходят из одного сюжетного построения в другое., но в пределах изучаемого жанра мотивы встречаются в целостном виде. При этом многие мотивы сравнительной поэтики сохраняют свое значение как мотивы поэтики теоретической.

Соединяясь друг с другом, мотивы образуют тематический и сюжетно-образный ряд произведения. Поэтому фабулу можно понимать как совокупность мотивов в их логической причинно-временной связи, а сюжет как совокупность тех же мотивов, но в той последовательности и связи, в которой они даны в произведении. «Для фабулы не-

важно, в какой части произведения читатель узнает о событии, и дается ли оно ему в непосредственном сообщении от автора, или в рассказе персонажа, или системой боковых намеков. В сюжете же играет роль именно ввод мотивов в поле внимания читателя»¹, — справедливо указывал Б. В. Томашевский. Фаболой может служить и действительное происшествие, не выдуманное автором, тогда как сюжет представляет собой исключительно художественную конструкцию.

Мотивы литературного произведения разнородны. Неисключаемые мотивы называются связанными, тогда как мотивы, которые можно устранять, не нарушая цельности причинно-временного хода событий, являются свободными. В контексте данной статьи мы намерены проследить влияние религиозных (коранических) мотивов на тематический, сюжетно-образный и мотивный ряд башкирской национальной литературы. Однако для того, чтобы понять роль ислама и Корана в сюжетно-композиционном и тематическом обогащении башкирской литературы, необходимо обратить внимание на следующие факты.

Во-первых, Коран и арабский язык (графика) неотделимы друг от друга, а письменность, как известно, влияет и на структуру сознания воспринимающего ее индивида. Кроме того, если в западных государствах президент при вступлении в должность приносит присягу на Конституции, то в мусульманских государствах присяга приносится на Коране. Клятвы, данные таким образом, считаются незабываемыми. Например, в «Стихотворном обращении к башкирскому народу по поводу соглашения с большевиками» Ш. Бабич для доказательства верности А. Валиди своему народу приводит такой довод:

Он верен башкирскому стягу
И вас не предаст никогда;
Целуя Коран, дал присягу
Быть верным народу всегда².

Следует учитывать также, что до Октябрьской революции 1917 г. преподавание

в медресе и мектебах основывалось в основном на чтении Корана и хадисов, а также на знакомстве с фикхе — законами шариата и нормами таджвида и т. д. В то же время освоение религиозной философии и постулатов ислама велось на примере таких поэтических памятников средневековой литературы, как «Кысса-и Йусуф» Кул Гали (XIII в.), «Мухаммадия» М. Челяби (1449), «Книга Бакырган», «Книга светопреставления», «Книга хадрате Марьям» С. Бакыргани, «Кисса-се-л анбия» Н. Рабгузи (1311), «Кысса-и Мансур ал-Халладж» (X в.), «Кысса-и Саитбаттал» и др. Эти литературные памятники оказали заметное влияние на мировоззрение шакирдов, ставших затем не только религиозными деятелями, но и поэтами и учеными.

Кораническая традиция сформировала единый культурный фон в регионах Средней и Передней Азии, оказала основополагающее влияние на интеллектуальную жизнь башкирского народа. После провала политики насильственной христианизации мусульман восточных регионов установилось относительное равноправие христианства и ислама, которое явилось сильным стимулом для развития мусульманской теологии. Единство веры и религиозной доктрины способствовало становлению единой мусульманской культуры, объединившей тюркоязычные народы Российской империи.

Следует учитывать также, что Коран является одним из крупнейших памятников мировой литературы и первым письменным памятником арабской прозы. Как отмечает М. Б. Пиотровский, «повествовательные отрывки, сказания, рассказы занимают большое место в коранических текстах всех хронологических периодов. Даже в самых ранних сурах есть упоминания неких древних героев, народов, намеки на какие-то легенды»³. В сурах Корана присутствуют отдельные упоминания имен, пророков и народов, за которыми стоят известные сюжеты, одиночные эпизоды из известных повествований; краткие указания или изложение сути сказаний, наконец, более или менее подробное изложение одного или нескольких эпи-

зодов из легендарных циклов о героях и народах. Эти легенды и сказания либо представляют собой одно целое, как «Сурату-л Йусуф» [12: 1–111], либо разрозненно рассыпаны по многим сурам — сотворение мира [7: 52–54], [10: 3], [11: 7–9], [25: 59–60], [50: 37–38]; Адам, его жена и их изгнание из рая [2: 30/28–38/36], [7: 10/9–25/24], [15: 26–36], [17: 61/63], [18: 50/48], [20: 115/114–124]; Иблис и его изгнание из рая в ад [2: 34/32], [7: 11/10–18/17], [15:30–43], [17: 61/63–64/66], [18: 50/48], [20: 116/115], [38: 71–84/85]; история Кабила и Хабила [5: 27/30–32/35]; история Ибрахима [2: 124/118–140/134], [6: 74–84], [11: 69/72–76/78], [14: 35/38–40/42], [15: 61–60] и т.д. Подобные легенды или сюжетные отрывки широко используются как в мировой, так и в башкирской литературе.

Таким образом, изучение влияния коранических и послекоранических сюжетов на развитие и сюжетно-тематическое обогащение национальных литератур представляет собой одну из актуальных задач литературоведения. Как отмечает Н. Ю. Чалисова, «классическая арабская и персидская поэзия работала с такой категорией, как мотив (ма'на), и прослеживала связи между поэтами на уровне заимствования, трансформации и обогащения мотивов, воплощающихся в поэтические значения бейтов»⁴. Эта характерная черта арабо-мусульманской литературы нашла свое отражение и в башкирской литературе.

Наибольшую распространенность в арабо-мусульманской культуре получил мотив 'илм (знания). Своими корнями он связан с Кораном, где встречается 640 раз. Однако следует учитывать, что своим формированием и распространением этот мотив обязан не только Корану, но и арабо-мусульманской культуре в целом. Этот мотив был связан с идеологией мусульманского просвещения и ренессанса.

Одним из литературных произведений, на сюжетно-образные мотивные ряды которых оказала заметное влияние кораническая традиция, является «Таварихи Булгарийа» Хисаметдина Муслими (XVIII в.). Полное

название этой книги: «Рисала-и тауарихи Булгарийа вэ зикри мавляна хазрати Аксак Тимер вэ хараби шахри булгар» («Сочинение по истории Булгарии и воспоминание о нашем господине Аксак Тимере и разрушении города Булгар»). Книга публиковалась четыре раза: в 1870, 1887, 1892, 1902 г. Произведение состоит из введения, двух глав (макала) и заключения (хатима).

Из двух глав этого произведения нас наиболее интересует вторая: «ал-Макалати ассанийати фи ат-табигина вэ ат-табигат» («Вторая статья — о последователях и последовательницах»). В начале главы дана легенда о принятии булгарами ислама. Далее в пяти небольших разделах перечислены имена последователей и сподвижников Мухаммада, указаны места их погребения. При этом автор действует по традиционной мусульманской схеме: сначала указывает тех, кто застал при жизни асхабов пророка, а затем тех, кто учился у современников асхабов. В конце даны имена шейхов и других религиозных деятелей. Подобная практика широко использовалась в мусульманской литературе. Например, в «Антологии святых» Ф. Атгара также приводятся сведения о суфийских наставниках — от самых первых из них до современников автора. В XV веке «Антология святых» получила стихотворную форму.

В личном фонде Р. Фахретдина присутствует конспективная запись о суфизме и суфиях (на арабском языке). В начале этого текста мы видим восхваление Аллаха, пророка и его асхабов. Далее приводятся данные о суфиях. В некоторых местах (сверху, наискось) сделаны примечания о годах рождения или смерти асхабов⁵. В том же томе из Фонда Р. Фахретдинова опубликована еще одна небольшая рукопись объемом 4 страницы, повествующая о суфийских наставниках⁶.

Труд «Хазā фи байāн силсила'и ....» представляет собой повествование о родословной шейха шейхов Мухаммада ал-Баха' ид-дин Накшбанд ал-Бухари. Р. Фахретдинов считает Мухаммада ал-Баха' ид-дин Накш-

банд ал-Бухари, крупнейшего представителя среднеазиатского суфизма XIV столетия, прямым последователем пророка Мухаммада. Приведенная автором последовательность включает в себя 145 имен: 1) «Расулунā уа набийуна Мухаммад Мустафа ибн ‘Абдулла ибн ‘Абду-л муталлаб»; 2) «Ибн ал-имам ‘Али бин Аби Талиб» (четвертый «праведный» халиф, двоюродный брат и зять пророка, с именем которого связано зарождение шиитского движения); 3) «Халифа расулаллахи Аби Бакр ас-Садик бин ‘Усман разый» (первый «праведный» халиф). Далее Р. Фахретдинов в хронологическом порядке называет имена крупнейших представителей ислама. Под номером 144 следует Зайнулла Урали. По-видимому, речь идет о Зайнулле Расули (1833–1917), башкирском богослове, продолжателе суфийского тарриката накшбандия. Таким образом, Фахретдинов доводит хронологическую последовательность до сегодняшнего дня⁷. Интересно, что на страницах 169–171 данного тома приводится список, включающий в себя 24 имени, расположенных в три ряда⁸ (Аш-шайх Мухаммад ал-Ма’сум, шайх Сайф ад-дин, Нурмухаммад ал-Бурджани, Хабибулла, ‘Абдулла и т. д.).

Родословная, о которой мы рассказывали выше, связана с традицией исторических хроник, в которых было принято начинать повествование с сотворения мира, а генеалогические линии правящих династий возводить к мифическим героям или богам⁹. В данном контексте необходимо отметить, что коранические и фольклорные сюжеты оказали заметное влияние на жанрово-тематические особенности башкирской литературы. В частности, влияние коранической традиции ощущается в таком произведении, как «Рисалә-и Азиза» Таджитдина Ялыгула ал-Башкурди (1767–1838), увидевшем свет в 1847 г. в Санкт-Петербурге, уже после смерти автора. В последующие годы книга переиздавалась несколько раз и использовалась в медресе в качестве учебника. Влияние коранической традиции особенно заметно в таких произведениях М. Гафури, как «Адам

и Иблис» (1910), «Его сиятельство пророк (да благословит его Аллах) и четыре халифа» (1912), «Рисаләт» (1916) и др.

Однако первым письменным произведением башкирской литературы¹⁰, целиком основанным на кораническом сюжете, является «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Этому произведению посвящена обширная литература¹¹. Кысса напоминает стихотворный перевод или поэтическое переложение суры Корана. Трудно сказать, обращался ли поэт напрямую к «Сурату-л Йусуф» [12: 1–111] или испытал сильное влияние мыслителей Переднего Востока. В частности, можно говорить о влиянии на Кыссу таких произведений, как «Йусуф вә Зулейха»¹² Фирдоуси (934/941 — ок. 1025) и «Анис ал-муридин вә шамс ал-маджалис» Абдаллаха Ансари (1002–1088).

Нашу версию, состоящую в том, что «Кысса-и Йусуф» Кул Гали представляет собой поэтический перевод или переложение Корана, подтверждает исследование искусствоведа З. А. Имамутдиновой. Так, Имамутдинова пишет следующее: «Один из сохранившихся вариантов поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали начинается в ритмизованной прозе — применяются приемы ритмизации, характеризующие поздние коранические суры и создающие эффект звуко-фонетической орнаментации»¹³. Необходимо уточнить также, что коранические и религиозные легенды и их сюжетные отрывки получили широкое распространение в народном творчестве.

Начало XX ст. стало для башкирской литературы периодом создания первых национальных поэм. Эти поэмы основывались либо на фольклорном (Б. Мирзанов «Переворот», «Бесовская свадьба», М. Гафури «Скрытый клад»), либо на религиозном (Ш. Бабич «Газазил» (1916), М. Гафури «Адам вә Иблис» (1910), «Рисаләт» (1917), Б. Мирзанов «Илсе» (1917)) материале. Подобная картина наблюдается и в татарской литературе. Так, в центре поэмы «Хызыр» (1917) Г. Сунагати, как и в «Илсе» Б. Мирзанова, стоит образ пророка Хызра.

Долгое время творчество М. Гафури освещалось в литературоведении достаточно односторонне. На примере таких поздних произведений Гафури, как повесть «Черноликие», поэма «Красная звезда» и др., утверждались атеистические позиции поэта. В то же время до 1917 г. Гафури был известен, как автор таких произведений, как «Мулла Хабибулла бин шайх Зайнулла ан-Накшбанди хадратлары марсиясы» (СПб., 1903), «Адам вэ Иблис» (Уфа, 1910), «Хадрат расуль (салаллаху галяйхи вэ салям) вэ дурт халифа» (Уфа, 1912), «Рисалят» (журнал «Анг», 1917) и др. Следует помнить, что М. Гафури, как многие другие поэты и писатели первой половины XX ст., получил традиционное религиозное образование в медресах д. Утяш (1893–1895), Старо-Кишки (1896), «Расулия» (г. Троицк (1898)), «Мухаммадия» (Казань (1906)), «Галия» (Уфа (1906–1909)). Наставниками Гафури были такие известные религиозные деятели, как Зайнулла Расули, Зыя Камали, Галимьян Баруди и др. Полученное религиозное образование оказало заметное влияние на мировоззрение и творчество Гафури.

Использование коранических легенд и сюжетов в башкирской литературе можно рассмотреть на основе кыссы Гафури «Адам вэ Иблис». В сюжетно-композиционном плане автором были использованы четыре коранические легенды: сотворение мира [7: 52–54], [10: 3], [11: 7–9], [25: 59–60], [50:37–38] и Адам, история изгнания из рая [2: 30/28–38/36], [7: 10/9–25/24], [15: 26–36], [17: 61/63], [18: 50/48], [20: 115/114–124]; Иблис и его изгнание из рая в ад [2: 34/32], [7: 11/10–18/17], [15:30–43], [17: 61/63–64/66], [18: 50/48], [2: 116/115], [38: 71–84/85]; история Кабила и Хабила [5: 27/30–32/35]. Анализ произведений показывает, что кроме Корана, автор в некоторой степени был знаком и с Библией. Нашу мысль косвенно подтверждает наличие переводов Священного писания на старотюркский и опыт перевода Евангелий на башкирский язык¹⁴.

В некоторых аятах Корана и в более поздних коранических и религиозных преданиях повествуется, как в некое мифическое время

был создан мир: возникли небесные светила, воздух, рельеф планеты (океаны, моря, реки, горы), растительность, животный мир, люди. Мифическое время — это «начальное», «раннее», «первое время», «время первопредметов», перводействий, первотворений; оно предшествует эмпирическому (историческому) времени и представляется сферой первопричин последующих действительных эмпирических событий.

История сотворения — один из немногих мифологических сюжетов, распространенных у всех народов и во всех религиях мира. Часто встречается он и в Коране. «О том, что Аллах создал мир и как это делал, в Коране говорится часто, но не в виде специального рассказа, а среди других доказательств могущества Бога. Не менее, а может быть, и более важным, чем творение (халк), представляется там власть Аллаха (амр, малакут) над существующим миром. Эта власть продолжает начатое при творении, она постоянно поддерживает движение светил, течение вод, рождение плодов, животных и людей. Именно это описывается чаще и подробнее»¹⁵. Однако, как именно это произошло, в Коране не упоминается.

В Коране упоминается только, что сотворение Богом земли, воздуха и природы происходит в течение шести дней. В первый день Аллах сотворил воздух; во второй — Солнце, Луну, звезды и ветер; в третий — живущих на суше и на море всех животных и тварей, а также ангелов на небесах. В четвертый день Аллах дал всем существам еду, в тот же день с его соизволения начинают течь реки. В пятый день был сотворен рай. Только на шестой день Аллах сотворил первого чело-века. Об этом рассказывается в суре «ал-Хиджр» и других отдельных аятах Корана.

В кыссе «Адам и Иблис» Гафури рисует картину сотворения мира, переключаясь с коранической традицией. Картина сотворения мира выполняет в кыссе роль экспозиции. Основываясь на Коране, М. Гафури утверждает, что Аллах создал мир за пять дней. После завершения описания мирозда-

ния, М. Гафури плавно переходит к шестому дню — истории сотворения первочеловека, Адама, и останавливается на этом более подробно («Распустило с неба солнце лучи, / Засветилась ночью луна, / И решил он сотворить на поверхности земли человека»). (Подстр. пер. автора).

В Коране нет единого описания процесса сотворения человека. То говорится, что первый на земле человек был сотворен «из звучащей глины» [15: 26], то что Творец придал ему форму [95: 4]; то — о сотворении из сгустка [9: 1–2], сгустка крови «О люди! Если вы в сомнение о воскресении, то ведь Мы создали вас из праха, потом из капли, потом из сгустка крови, потом из куска мяса, сформованного или бесформенного, чтобы разъяснить вам это» [22: 5]. М. Гафури останавливается на последней из коранических версий — о сотворении Адама из сгустка крови. Далее, опираясь на суру «ат-Тин», поэт показывает процесс приобретения человеком нынешнего облика:

Создал Аллах Адама, плоть и кровь
ему дал
По истечении многих лет, Аллах Адаму
душу дал.
Говорят, Хода изначала сотворил Адама
на земле,
Лежа Адам там, войдя обличье человечье,
Своей благодатью, дав душу и ум
.....
Любимому Адаму научил множество имен.
(Подстр. пер. автора).

Описанный в Коране процесс сотворения первого человека, как и его отражение в арабо-мусульманских литературах, можно истолковать двояко. Во-первых, рассказ о сотворении человека соответствует канонам хронологии жанра «всеобщих историй», получившим широкое распространение на Востоке; во-вторых, образ человека и «... образ тела служил точкой отчета и образцом для построения лексических моделей пространства, времени, социума, жилища...»¹⁶.

В коранических легендах повествуется о том, что после сотворения первочеловека Аллах пригласил всех ангелов и объявил

свой амр (указ) о необходимости преклониться перед Адамом [15: 28–29]. Заранее предугадывая ответ ангелов, Аллах ознакомил Адама с названиями всех созданных им вещей. Затем Аллах предложил ангелам назвать имена вещей, однако они не смогли этого сделать, тогда как Адам блестяще справился с поставленной задачей. Тогда ангелы убедились в превосходстве Адама и пали перед ним ниц. В своей кыссе М. Гафури следует за сюжетом и внутренней композицией коранической легенды («Сотворением Адама не закончилась работа, / Пришел ангелам амр о преклонении перед Адамом»). (Подстр. пер. автора).

Согласно коранической легенде, только один ангел, Иблис, не преклонился перед Адамом. Он вскрикнул, что ангел, созданный из огня, не станет преклоняться перед тем, кто создан «из звучащей глины». За это Аллах изгнал Иблиса из рая (см. [15: 30–35], [17: 61–65], [18: 50–52] и др.). Данная кораническая легенда также находит отражение в кыссе, а некоторые строки повторяются почти дословно («Хода, когда спросил, почему он голову не склонил / Сказал Иблис: «Меня с огня, а его с глины создал / Почему склонюсь перед ним? Если я лучше данного лица. / «Это дело не благоразумно», — сказал Иблис, голову не склоняя. / «Нутро Адама и так ясно, недостоин он уважения», — сказал. / «Как бы не было, преклонение перед ним харам», — сказал¹⁷ (подстр. пер. автора)»).

Еще одна кораническая легенда, используемая М. Гафури в кыссе, это сказание об Иблисе и его изгнании из рая в ад [2: 34/32], [7: 11/10–18/17], [15: 30–43], [17: 61/63–64/66], [18: 50/48], [20: 116/115], [38: 71–84/85]. На данном сюжете основана также поэма Ш.Бабица «Газазил». Взяв за основу произведения кораническую легенду, автор точно следует за ней. Монолог Иблиса почти полностью совпадает с отдельными аятами суры «ал-Хиджр» [15: 32–40] («Сказал Аллах: «Проклятье в тебе! Уйди! Не стой здесь. / Брошу я тебя в ад со всем естеством»). (Подстр. пер. автора)).

Согласно коранической легенде, Иблис попросил Аллаха об отсрочке наказания до судного дня и получил ее. Иблис объявил, что будет использовать это время для того, чтобы вредить людям и сбивать их с истинного пути. Первой жертвой Иблиса стал Адам, обитавший вместе с женой в раю: «Аллах только запретил им подходить к одному из райских деревьев, предупредив, чтобы они опасались козней Иблиса, которого Коран называет также Шайтаном — Сатаной. Иблис же нашептал людям, что дерево запрещено им потому, что, вкусив его плодов, Адам и его жена станут, подобно ангелам, и будут жить вечно. Аллах же якобы этого и не хочет»¹⁸. Адам и Ева нарушили запрет Аллаха, но бессмертными не стали. Отрывки этой коранической легенды мы находим в суре «Та ха» [20: 117–122]. Первые люди были изгнаны из рая на землю.

История Адама и Евы нашла широчайшее отражение в мировой литературе. Так, на Ближнем Востоке бытовали сборники и циклы различных связанных с этим «вечным» сюжетом преданий. Позднее, после принятия ислама или христианства, эти легенды стали элементами мифологических системы разных народов. Их отголоски мы находим и в башкирской литературе.

Сюжетный ряд кыссы Гафури, конечно, отличается от коранической легенды. Например, в Коране сказано, что первым Иблис дал запретный плод Адаму, тогда как М. Гафури видит истоки греха в Хавве¹⁹. В этом случае на поэта оказали влияние послекоранические легенды.

В Коране не сказано, впрочем, как именно назывался плод запрещенного дерева. Только в трудах средневековых мусульманских теологов запретный плод был определен как колосья пшеницы²⁰. По мнению М. Б. Пиотровского, сюжет этой легенды во многом восходит к Библии: «Библейский текст, к которому ... в конечном счете восходит кораническое сказание, дошел до Корана в различных изводах иудейских, гностических и христианских преданий. В Коране есть и интересные прямые отголоски собствен-

ного текста Библии. Слова Иблиса о том, что плоды дерева даруют человеку вечную жизнь (7: 20/19) сочетают в себе цитаты из фраз, восходящих к двум разным моментам библейского рассказа (Бытие, 3: 5–7 и Бытие, 3: 22)»²¹.

В целом М. Гафури почти не отходит от сюжета коранической легенды. В V главе книги поэт ссылается, впрочем, на старые религиозные книги²². Эти строки являются своего рода завершающими аккордами к коранической легенде об изгнании Адама и Хаввы из рая. Далее начинается новая сюжетная линия.

Кораническая легенда об Адаме, Хавве и Иблисе использована и в других произведениях М. Гафури. Так, в стихотворении «Живу, в темницу мира заточен...» (1915) размышления о нестабильном положении в обществе, об утрате людьми духовных ценностей наводят поэта на грустные размышления. По мнению Гафури, изгнание Адама и Хаввы из рая на землю стало карой для всего человечества («Низвергнуты недаром божеством / Адама с Евой жалкие сыны; / Попрали истину, склоняясь перед злом, / И за грехи навек заточены»²³).

Сюжеты, мотивы и образы коранических преданий оказали заметное влияние и на другие классические произведения башкирской литературы. Влияние сюжетно-образных рядов Корана на башкирскую литературу требует глубокого и детального историко-литературного анализа. Данная статья представляет собой один из первых подступов к интересующей нас теме. В дальнейших наших работах эта тема будет рассмотрена более глубоко.

¹ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Л., 1931.

² Бабич Ш. Весенняя песнь. Уфа, 1995. С. 245.

³ Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М., 1991. С. 25.

⁴ Чалисова Н. Ю. Классическая персидская литература // Изучение литератур Востока: Россия, XX в. М., 2002. С. 120.

- ⁵ Фонд Р. Фахретдинова. Т. 4. А. 2. С. 1–6.
- ⁶ Там же. Стр. 127–130.
- ⁷ Фонд Р. Фахретдинова. Т. 4. С. 133–168.
- ⁸ Там же. 169–171.
- ⁹ Творогов О. В. Литература Древней Руси: Пособие для учителей. М., 1981. С. 31.
- ¹⁰ Ялчыгул Тадж ад-дин ал-Башкурди. Тау-арихи Булгарийа. Рукопись. ИИЯЛ УНЦ РАН, 2 аэ. С. 4–5.
- ¹¹ Хисамов Н. Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Али. М., 1979.
- ¹² Тагиржанов А. Г. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулейха» на «Киссаи Йусуф» Али и «Йусуф-Зулейха» Шайяд Хамзы. Палестинский сборник. Вып. 21. М.-Л., 1970.
- ¹³ Имамутдинова З. А. Коран как стилевая доминанта культуры мусульман // Ядкяр. Научно-гуманитарный журнал АН РБ. 2004. № 4. С. 71.
- ¹⁴ Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Издание Британского и Иностранного Библийского общества. Казань, 1902.
- ¹⁵ Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М., 1991. С. 30.
- ¹⁶ Габышева Л. А. Слово в контексте мифопоэтической картине мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 29.
- ¹⁷ Гафури М. Адам и Иблис. Уфа, 1910. С. 5.
- ¹⁸ Пиотровский М. Б. Коранические сказания. С. 36.
- ¹⁹ Гафури М. Адам и Иблис. Уфа, 1910. С. 5.
- ²⁰ Климович Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М., 1988. С. 202.
- ²¹ Пиотровский М. Б. Коранические сказания. С. 42.
- ²² Гафури М. Адам и Иблис. С. 13.
- ²³ Гафури М. Избранное. М., 1980. С. 109.